

Дети В. В. Адрианова, сын и двое из семи дочерей, унаследовали его интерес к фольклору. Сын Александр, в нарушение семейной традиции, закончил не Духовное училище, а Тобольскую классическую гимназию. Но, как и его отец, Александр занимался сбором статистического и фольклорно-этнографического материала (в основном песни и сказки), за что и был награжден медалью РГО.

Александр Васильевич активизировал собирательскую деятельность своих сестер — Антонины и Евгении. По его просьбе они записывали образцы народного творчества и передавали их брату. Причем Антонина обращалась к разным фольклорным жанрам — сказкам, пословицам, поговоркам, заговорам, загадкам, а Евгения целенаправленно собирала только народные песни.

Не остался в стороне и сын Александра — Александр Александрович Адрианов. Он записал и передал отцу песни, которые он слышал от крестьян села Мостовского Мостовской волости.

Таким образом, у Александра Васильевича оказалось довольно большое количество фольклорного материала, часть которого он поместил в сборник «Русские сказки и песни в Сибири» (Красноярск, 1902). Опубликованный при содействии этнографического отдела РГО, красноярский сборник преследовал две цели — политическую и фольклористическую.

В XIX веке к Сибири относились как к колонии, где из-за суровых климатических условий не сложилась собственная фольклорная традиция. Считалось, что здесь песен не поют, сказок не рассказывают. А. В. Адрианов, являясь известным общественным деятелем XIX века, сторонником сепаратистского движения, которое выступало за культурно-экономическую автономию Сибири, пытался доказать обратное. Фольклорный сборник продемонстрировал все разнообразие жанров, бытовавших в Сибири и на Урале: сказки, песни, заговоры, загадки, пословицы и поговорки. Необходимо отметить отсутствие записей текстов былин. Вероятно Адриановых больше привлекали живые фольклорные жанры, характеризующие быт простого народа.

Итак, опираясь на материал, собранный зауральскими краеведами-этнографами, в числе которых состоит и семья Адриановых, мы можем определить круг фольклорных жанров, получивших наибольшее распространение на территории Урала и Сибири, а именно жанры, более близкие и понятные народу — песни, сказки, пословицы и поговорки.

Примечания:

1. Мозин М. Белозерский просветитель // Тобол. — 1996. — №1. — С. 155-156.

© Манакова Е. В.
г. Курган

ФОЛЬКЛОРНАЯ СИМВОЛИКА КАМНЯ В «ПОВЕСТИ ДИВНОЙ» В. ТРЕГУБОВА

Устойчивые повторяющиеся образы представляют собой один из основных художественных элементов фольклорных текстов. Таким частотным в фольклоре является образ камня.

Отметим, что его генеалогия своими истоками восходит ещё к древнейшей истории человечества. Общечеловеческий характер образа камня нашел отражение в Библии, где он фигурирует неоднократно. Уже в Книге Книг камень по своей се-

мантике полифункционален. Многозначность проявилась в семантической парадигме образа камня в более поздней культуре разных народов. По представлениям древних славян, «камень — один из первоэлементов мира (наряду с землей, водой, огнём, воздухом), символ мертвой природы»¹. Он же — один из главных символов вечности, живущих с начала времен, он воплощает стабильность (вода — движение). Камень — это путь в иной мир: подземный или небесный. Он — средоточие богатств, место жительства духов или божеств. В магической и культурной практике он почитается как идол или используется как амулет»².

Образ камня оказывается многозначным и является важным элементом во всей системе фольклорных жанров. Особенности этого образа, а также ряд функций, которые он выполняет в русском фольклоре, были подробно рассмотрены Е. Л. Демиденко³.

На основе сравнительно-типологического анализа текстов сказок и былин исследователь в качестве основной, наиболее общей функции «камня» выделил знание границы между царством живых и царством мертвых. С этой основной функцией, по наблюдениям Е. Л. Демиденко, связаны все остальные. Камень в произведениях фольклора — всегда сакральный магический предмет: он способен наделять героев необыкновенной силой, завидными качествами; может давать герою недоступные ранее знания, силу; предсказывать судьбу. Непосредственно из камня появляется иногда в сказке волшебный помощник.

Написанная в середине XIX века одним из крестьянских писателей Южного Зауралья В. Трегубовым «Повесть дивная» вобрала библейскую и фольклорную семантику камня. Произведение представляет собой своеобразное житие — автобиографию Владимира Трегубова, поведавшего о своем непростом пути к обретению и защите истинной, «старой» веры. Две экзекуции, три каторги, бесконечные преследования властями не сломили автора «Повести дивной» и не заставили отказаться от своих убеждений.

После одного из испытаний, выпавших на его долю, герой повести обращается с молитвой к Всевышнему: «Господи, сын божий, благослови и сохрани силою креста твоего. Господи, даруй мне *волшебный камень*. Утверди меня во святых заповедях твоих *несовершенно стояти* и от востока тебе, Христе, к западу не отступати, не уклони сердце мое в слова лукавствия»⁴.

Библейский образ камня в сознании автора ассоциируется с древними смыслами, присущими ему в фольклоре. Из контекста видно, что он трактуется им как опора, основание, стержень (сравните в заговорах: камень на море, алтырь-камень, бел-горюч камень и т. п.). Этот сакральный предмет необходим В. Трегубову и как оберег — предмет, обладающий защитными свойствами («благослови и сохрани...»).

Наконец, просьба о камне может быть использована как желание героя обладать истинным знанием, быть способным отличать настоящее от ложного, фальшивого («не уклони сердце в слова лукавствия»).

Образ камня в «Повести дивной» несет и другую смысловую нагрузку. Это функция, которую Е. А. Демиденко считает основной для этого фольклорного образа. Мотив камня так или иначе оказывается связанным с представлениями о смерти, загробном существовании. Справедливость этой точки зрения подтверждается многочисленными этнографическими источниками. Они указывают на распространенность древних представлений, сохранившихся до наших дней о переселении душ умерших в загробный мир через могилу, где камень является надгробьем. В «Повести дивной» погибшие при экзекуции казаки «лежат ... аки каменны».

Таким образом, образ камня в «Повести дивной» вообрал в себя библейскую и фольклорную семантику.

Примечания:

1. Славянские древности : Этимологический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. — М., 1999. С. 247.
2. Славянские древности : Этимологический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. — М., 1999. С. 249.
3. Демиденко Е. Л. Значение и функции общеславянского образа камня // Русский фольклор. Т. XXIV. Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987.
4. Трегубов В. Повесть дивная. Рукопись хранится в Отделе Редких книг СО: РАН

© Наконечная О. Л.

г. Екатеринбург

КОНЦЕПТ «ЗОЛОТО» В ФОЛЬКЛОРЕ ЗОЛОТОИСКАТЕЛЕЙ УРАЛА

Когнитивный подход к изучению лексического множества фольклорной прозы золотоискателей Урала позволяет говорить о наличии своеобразной концептосферы, отражающей особенности труда и быта золотоискателей, их миропонимание, этико-эстетические представления, чувственные образы. Задача данной публикации — показать на примере одной из ключевых лексем исследуемых фольклорных текстов образование ключевого концепта. Речь идет о концепте, представленном лексемой «золото». Этот концепт является единым смысловым стержнем концептосферы фольклора данной социально-профессиональной группы, имеет самое большое деривационное поле и наибольшую частотность. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова «золото», в главном своем значении, — «драгоценный металл желтого цвета, употребляемый как мерило ценностей и в драгоценных изделиях»¹. В семантическом пространстве общерусского языка слово «золото» многозначно, но имеет устойчивую ассоциативную связь с основным значением этой лексемы, например, пушнина — «мягкое золото», нефть — «черное золото», хлопок — «белое золото», золото — драгоценные ювелирные изделия, «золото» получить на спортивных соревнованиях, молчание — золото и т. д. Таким образом, объединяет их общее значение ценности, значимости для всех членов общества. В фольклоре золотоискателей оно употребляется в своем главном значении, на основе его выстраивается деривационный ряд лексем: золотоискатель, золотодобытчик, золотой, золотиносный, золотопромышленник, золоченый, золотить, — употребительных и в общенародном языке. А в профессиональной среде концепт «золото» репрезентирован чаще дериватом «золотишко» и его синонимическим рядом: «таракашки», «завертыш», «жушелки», «клопы», «золотая свинья», «хаврулька». Золотоискатели создали свою терминологическую лексику, зачастую понятную только в узком профессиональном кругу, характеризующую место и характер залегания золота, его количество и качество, цвет и размеры. Подробную и точную характеристику золота дают такие его синонимы: «манница», «кашка», «уральское просо», «крупка» — мелкое, в виде песка; «куколки», «тараканы», «жушелки», «клопы», «завертыши», «значки», «самородки» — золото видимое, крупное. Именование происходит с помощью хорошо узнаваемых денотатов из повседневного быта рабочих, но кроме объективной информации они выражают их отношение к именуемому денотату: насмешливо-пренебре-